

ГЕОРГИЙ ДЕРЛУГЬЯН

Кризисы неовотчинного правления

Развал правящего режима Киргизии застал врасплох даже телекомпанию CNN. В прошлую пятницу редакторы новостных каналов лихо-радочно обзванивали экспертов, способных прокомментировать невнятные картинки народной стихии в Бишкеке. Отыскали, несмотря на пасхальные каникулы, дежурного Андерса Ослунда, успевшего в девятые годы побывать либерально — экономическим советником также и при некогда демократическом Акаеве. В отведенные ему три минуты телевизионного времени, Ослунд произнес знакомую литанию о прискорбной непоследовательности либеральных реформ, чиновничьей коррупции, авторитаризме правителей и прочих «старых дурных привычках» номенклатурного начальства. Такова, вкратце, подновленная формула «вашингтонского консенсуса»: к предписанию шоковой либерализации экономики теперь добавились морализаторские требования прозрачности бизнеса и госуправления. Как-будто в образцово растущем Китае этой прозрачности вместе с демократией навалом!

Отечественные политологи, конечно, куда лучше чувствуют постсоветские реалии. Наша беда не в догматизме абстрактной веры, а в избытке его противоположности — цинизма в отношении социальной реальности всех уровней. Причастные к околополитической среде эксперты и «технологи» купаются в спекулятивном анализе элитных интриг, клановых раскладов и иностранных интересов. Эти, более активные, политологи ищут себе применения на рынке прикладных услуг, где конкуренция строится вокруг сиюминутных догадок (не исключено, порою проницательных) и выдвижения столь же быстро забываемых рекомендаций.

Тем временем наша академическая политология, отринув марксистско-ленинскую схоластику развитого социализма, либо все еще переваривает западную переводную схоластику развитого капитализма, либо

по собственному разумению конструирует вычурные геополитико-цивилизационные схемы. Между полюсом абстрактного теоретизирования и полюсом прикладных рекомендаций у нас традиционно существует пустота. Однако именно там, на стыке конкретно-политического анализа и структурно-исторической теории, возникают более плодотворные и интересные объяснения происходящего в бывших советских республиках.

**Полураспад СССР:
революционная ситуация
без революционной перестройки власти**

Вооружившись этим грубоватым компасом для навигации в разногололье оценок, попробуем по-иному разобраться в значении киргизских событий. Во-первых, революции в Киргизии (как и в Грузии или Украине) пока не произошло — налицо была лишь революционная ситуация, состоящая из раскола в элитах, который открыл дорогу стихийному восстанию городских масс и свержению прежнего руководства. Это типичная первая стадия, начало и пик протестов. Остается неясно, сумеет ли теперь какая-то политическая фракция консолидировать власть для действительно революционного реформирования государства и общества.

Революции, согласно ныне уже классической схеме Чарльза Тилли (на русский, увы, не переведившегося), начинаются внутриэлитным конфликтом верхов, затем взрываются снизу, но завершаются опять же сверху. Обычно в конце революционных потрясений приходят какие-нибудь Джордж Вашингтон, Наполеон, Бисмарк, Сталин, Франко, Де Голь, Кастро или Хомейни, способные направить развал в те или иные устойчивые институты власти. Соседство столь разных имен неслучайно — способность власти к решению исторических задач в прежние времена достигалась несколькими совершенно разными путями, от демократии до национальной независимости и диктатуры левого или правого толка.

Хуже всего бывает, когда старый режим разваливается, а новому не хватает ни политической энергии, ни материальных ресурсов.

Собственно, эта беда и постигла большинство бывших республик советского блока. Удачливей других оказались страны Центральной Европы, которые по стечению истории и географии быстро переключились с зависимости от исчерпавшей свою щедрость Москвы на зависимость от Евросоюза. Смена вектора зависимости стала их стратегией выхода из революции. Теперь в очередь на периферийное членство в европейском кооперативе безопасности и благосостояния надеются встать Грузия, Украина, даже воронинская Молдова. За ними из почти безнадежного далека, вероятно, попытается встроиться и Киргизия.

Прихватизация государства

Другую стратегию выхода из революции израильский теоретик Шмуэль Айзенштадт назвал по-ученому неопатримониализмом. На латыни *patrimonium* означает феодальную вотчину, поэтому лучше было бы сказать *неовотчинность*.

Перед лицом развала привычных советских структур управления, новоизбранные президенты (номенклатурные начальники вроде Кравчука и Каримова либо оппозиционные интеллигенты вроде Гамсахурдии, Тер-Петросяна, Ардзинбы, Эльчибея, даже того же генерала Дудаева) использовали неожиданно на них свалившуюся независимость для выстраивания вертикалей личной власти. То, что настолько разные люди с совершенно разным жизненным и профессиональным опытом разом делали одно и то же, четко указывает на жесткую заданность политического курса общими историческими условиями. Вспомним, в какой отчаянной ситуации им приходилось действовать после 1991 г. (обвал плановой экономики, всплеск насилия этнического либо криминального), не имея под собой реальных партий, какая была некогда у Ленина, и описывая будущее лишь самыми общими идеологическими лозунгами национального суверенитета.

Контроль над государством, как показывает тот же Чарльз Тилли, достигается тремя способами.

В нормальных условиях — когда государство существует на прочной основе и всем кажется, что никуда оно не денется, как и никуда вам от этой власти не деться — создается кадровый состав чиновников и офицеров. Они эффективно работают при двух базовых условиях: долгосрочное надежное вознаграждение по выслуге лет (плюс, с обратной стороны, реальный риск лишиться карьеры и самой свободы в случае нарушения правил) и, как ни романтично может прозвучать второе условие, это Идея служения как некой общей пользы. Чиновник, который может не только прожить на свою зарплату, но еще и гордиться своим трудом — самый эффективный чиновник. Вспомните знаменитое «За Державу обидно!» из уст вымышленного, но вполне правдоподобного русского таможенника в фильме «Белое солнце пустыни»; к слову, в британской традиции чиновники госаппарата так и именуются — *public servants*, т. е. слуги общества.

Можно обрести контроль над госаппаратом, расставив на ключевые посты фанатически преданных людей. Институт комиссаров впервые придумали не Керенский и Ленин и даже не французские якобинцы, а английский революционный диктатор Оливер Кромвель, который придал каждому батальону своей новой армии протестантского проповедника — для воодушевления и для присмотра за душами. Кстати, на Кавказе по совершенно тем же принципам строилось войско имама Шамиля.

Но как быть, если нет ни достаточно прочного аппарата, ни достаточно сильной идеи? Остается расставлять своих назначенцев на доход-

ные должности в обмен на ожидание политической поддержки и доли с собираемых ими на местах доходов. Ожидания сплошь и рядом оборачивались обманами и конфликтами, поскольку доходных sinecur на всех не хватало, а те, кому они достались, находили пути дальнейшего обособления в полуфеодалные уделы. Отсюда своеволие губернаторов и экономических олигархов — типичные коллизии постперестроечной эпохи.

Издержки коррупционного метода властвования

Бороться с издержками неовотчинного правления можно было по-разному. В Третьем мире типичным способом стала опора на армию. Однако армия и тайная полиция сами по себе очень опасные орудия — для самого правителя. Ведь военные сами могут захватить власть. Волны таких переворотов вскоре после независимости прокатились по многим арабским и африканским странам. Очевидно поэтому в странах СНГ не предпринималось серьезного военного строительства — а в Армении, где война заставила это сделать, плохо адаптированный к интриге президент Тер-Петросян в конечном счете заплатился фактическим (пущай и «бархатным») переворотом.

Можно, конечно, полагаться на гражданскую бюрократию. Но, повторяю, чтобы сделать ее эффективной, требуется политическая воля и ресурсы для защиты и продвижения добросовестных чиновников. Значит, требуется серьезное ограничение коррупции, а это не просто сложно. Это — смертельно опасно для любого правителя. Ведь придется отбирать sinecurы не только у врагов, но и друзей и у собственных назначенцев. Именно в этот момент возникает множество причин свергнуть или убить такого лидера, и мотивация подкреплена ресурсами влиятельных людей. Стоит ли удивляться, что многие правители перед лицом такой дилеммы предпочитают просто плыть по структурному течению своей истории, наслаждаясь плодами власти?

Более того, создание правового государства в современных условиях непременно порождает демократические ожидания, следовательно, власть уже не гарантирована от превратностей на выборах. А тут еще эти иностранные наблюдатели, от мнения которых может пострадать кредитный рейтинг страны, обремененной внешним долгом и зависимостью от западной помощи.

Остается полагаться на ближний круг «семьи» или собственного «клана» из земляков, приятелей, сослуживцев. В терминах мадридского двора это называлось камарилья — толпа интриганов в палате (т. е. *сáмага камере*) перед опочивальней монарха.

Однако здесь поджидают свои издержки! Склоки случаются и в семьях, особенно по поводу старшинства и наследства умершего дядюшки — советской власти. Но потенциально куда опасней недовольство тех, кто некогда был в приближенном кругу, а затем оказался за порогом. Само

по себе массовое обнищание и даже недовольство народа (вопреки догматике народников и марксистов) политически не так уж и опасны. Угнетение и нищета могут регулярно уходить в не-революционные формы: социальную апатию, эмиграцию, рост сердечно-сосудистой заболеваемости под воздействием социального стресса, алкоголизм, мелкую преступность, распад семей, падение рождаемости и прочие социальные патологии. Все это превращается в социальный динамит только когда возникает детонатор — неподконтрольные властям религиозные проповедники, интеллигенция, организовавшаяся в революционное движение, или выпавшие из неовотчинной обоймы начальники и особенно молодые харизматические личности, которым не удастся встроиться во власть.

Социолог Джефф Гудвин, просчитавший факторы революций, произошедших в мире с 1945 по 1990 гг., показал, что чем больше концентрация личной и семейной власти, тем, соответственно, выше отчуждение среди элит и населения и, в среднесрочном плане, выше вероятность насильственного переворота. Другой известный социолог, Джек Голдстоун, показал, насколько велика была роль демографического давления во всех европейских революциях Нового времени. До тех пор, пока западные общества не начали стареть, практически никто не замечал, что революции совершают преимущественно молодые мужчины, особенно те, кому не только не удастся реализовать свои возросшие амбиции, но даже не хватает земельных участков, ремесленных мастерских, торговых лавок или должностей, чтобы воспроизвести трудную, но прежде спокойную жизнь своих предков.

Наконец, очевидно, что все режимы личной власти подвержены старению — как организационному накоплению противоречий, так и чисто физическому износу правителей. Легендарный мексиканский диктатор дон Порфирио Диас после почти сорока лет у власти впал в старческий маразм; иранский шах в решающий момент оказался болен неизлечимым раком; филиппинский самодержец Фердинанд Маркос совершенно утратил чувство реальности и фактически отдал власть своей эксцентричной жене Имельде; нигерийский генерал Сани Абача умер от разрыва сердца, как говорят, в компании двух индийских проституток-акробаток и после принятия лошадиной дозы виагры. Поскольку же такие «султанистские» (по типологии Альфреда Степана) режимы полнотью и целенаправленно завязаны лично на Верховного, то рушатся они катастрофически быстро.

Скорое будущее СНГ

Оставим киргизстанским авторам ответить на эмпирический вопрос, каким именно образом потерял самообладание и власть бывший академик и, по должности, перестроечный демократ Аскар Акаев. Объективно, в Киргизии сложились все условия для восстания — власть Акаева запуталась в семейных делах и начала являть склонность к патетической

мегаломании, гражданские управленцы и силовики утратили стимулы к подчинению, оказавшиеся за порогом власти бывшие соратники и соперники Акаева вывели на улицы свои собственные группы поддержки, и тогда плотину прорвали потоки сельских или недавно сельских парней, та самая демографическая масса, у которой не просматривается никаких приемлемых перспектив в постсоветской жизни. Добавим, что государство, бюджет которого в последние годы почти целиком зависел от иностранной помощи, не могло проявлять особой самостоятельности и пойти, с одной стороны, на отмену выборов, а с другой стороны, наверняка не получило внешней санкции на применение силы.

Наконец, есть ли закономерность или даже злой зарубежный умысел в раскручивающейся серии однотипных восстаний в Грузии, Украине, Киргизии (добавим сюда неудавшиеся попытки в Азербайджане, Армении и полууспех в Абхазии)? Несомненно, есть внешняя составляющая, но она скорее в передаче опыта мобилизации и попросту в демонстрационном эффекте — одни окрыляются осознанием, что могут победить, другие как могут укрепляют свою власть и, вероятно, уже готовят пути к отходу. Важнее скорее то, что внешние силы — не только Запад, но и Москва — сдерживают применение силы, обоснованно опасаясь непредсказуемых последствий. Все-таки сейчас не 1991 год, и с тех пор были усвоены важные уроки.

Впечатление синхронизации падения режимов возникает оттого, что все они возникали примерно одновременно и в аналогичных неовотчинных формах. Настает предел износа этой модели правления.

Поскольку в завуалированной или открытой форме регулярно возникает вопрос о путинской России, особо отмечу, что здесь отсутствуют две важнейшие предпосылки восстания. Во-первых, в России и, самое главное, в городе Москве и близко нет такой демографической массы неудовлетворенной молодежи. Во-вторых, едва ли не важнее, что Путину удалось восстановить централизацию бюрократического аппарата (с его эффективностью дела обстоят хуже). Все остальные политические и психологические факторы имеют второстепенное значение, хотя и они пока работают на стабильность российской власти. Если что-то ей и грозит, то не свержение, а скорее неспособность наполнить смыслом рецентрализацию государства и диверсифицировать экономику. Это чревато очередным застоєм и в какой-то момент будущего новым кризисом финансов и идеологической легитимности власти с очередным воспроизведением раскола элит на державно-традиционалистскую и западно-либеральную фракции, вероятно также с политически значимым размежеванием по регионам и хозяйственным секторам. Впрочем, динамику отдаленного кризиса предсказывать всегда очень трудно.

Главный сегодня вопрос в том, что придет на смену неовотчинной модели. Альтернатива по сути одна и очень нелегкая. Это соглашение среди победителей о создании системы формальных правовых гарантий прежде всего против друг друга — как заслона неовотчинному прин-

ципу организации власти. Это предполагает нелегкое осознание возможности проигрыша на следующих выборах, но также гарантий собственности и вообще существования в оппозиции. Более того, такая система элитного соглашения не будет работать без ответственной и относительно независимой от политиков бюрократии. Демократии без действующей бюрократии не бывает.

Увы, намного легче представить себе, что на смену неовотчинности единого хозяина может прийти остро конкурентная форма неовотчинности нескольких соперничающих кланов или коалиций элит. Тогда процессы износа власти пойдут на следующий виток, неизбежно чреватый полукриминальным насилием, грабежом ресурсов, и, вероятно, новыми восстаниями. Как это и происходит во многих странах Третьего мира, вплоть до распада государства на враждующие банды, области и уделы. Тогда мародерство в Бишкеке окажется не разовым всплеском, а началом новой волны постсоветского распада.

Неовотчинные режимы укреплять нельзя, их надо аккуратно демонтировать. Вопрос как, кто и с чьей помощью будет это делать.